

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕРЪЕКТИВОВ

Е. Ю. Кустова

Пятигорский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2008 г.

Аннотация: в статье междометия французского языка представлены как семиотические конверсивы, выполняющие в речевом взаимодействии функции интенциональных, иллокутивных и аргументативных операторов и дискурсивных коннекторов.

Ключевые слова: междометие, дискурс, французский язык.

Abstract: the article deals with the systematic description of interjections in French. An original cognitive, functional and pragmatic analysis proposed by the author is based on the interactional study of speech acts and conversation. The interjections are presented as intentional shifters of propositional content in the illocutionary, argumentative and interpersonal contexts of dialogical discourse.

Key words: interjection, discourse, French language.

Считая междометие прототипической языковой формой, возникшей на этапе соответствующего уровня развития когнитивного механизма человека, мы полагаем необходимым выявить и положить в основу теории междометия тройственную когнитивную и семиотическую природу интеръективов.

При создании первобытного звукового коммуникативного кода междометия становятся 1) средством отражения объективного мира (ономапии, звукообразы), 2) средством отражения (проявления) эмоций и интенциональных состояний. Первый знак иконичен, второй — симптоматичен (индексален). Интеръективы — эти слова праязыка — суть «крики вещей» («*cris de choses*» [1]) и «крики души», или, как указывал Жофруа Тори (1526 г.), «крики живота» [2].

Человек использует оба типа прототипических знаков для закрепления результата когнитивных впечатлений от мира (объекта) и собственного субъективно-эмоционального бытия (субъекта) как результата рефлексии. При передаче этого результата в адрес другого человека оба типа знаков превращаются в сигнал, или индекс (указание на предмет или внутреннее состояние) [3]. Тройственную когнитивно-семиотическую природу прототипичного междометного знака можно представить в виде табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Семиотический тип	Когнитивная функция	Языковая функция
Икона	Субъект-объектная когниция	Дескриптивная
Симптом	Рефлексия	Эмотивная
Сигнал (индекс)	Субъект-субъектная когнитивная трансакция	Экспрессивная (конативная)

© Кустова Е. Ю., 2009

Превращение доязыковой, прототипической речи в язык можно представить как процесс перехода мотивированных иконических форм в конвенциональные, демотивированные в синхронии, стереотипные употребления, закрепляющиеся в языке в виде слов и развивающиеся по законам языка (ЛЕ, ЛСВ, ФЕ, и т.д.). Динамика взаимодействия условности (конвенциональности) и изобразительности варьируется от знака к знаку и от языка к языку. Так, морфологизм русского языка легко превращает звукоизобразительные элементы в существительные, глаголы, наречия, прилагательные: «ахи», «ахать», «ахово», «аховое» и т.д. Аналитизм французского языка значительно ограничивает словообразовательные возможности звукоизобразительной лексики, сохраняя при этом прототипичность исходной междометной формы: «*faire fi*», «*sans dire ouf*», etc.

Существует и обратный процесс, когда закрепленные в языке конвенциональные формы (символы) превращаются в речи в контекстно обусловленные знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления. Этот процесс может быть назван прагматизацией знака. Происходит своего рода генетическое обращение, или *семиотическая конверсия* (трансляция) знака: знак-икона/индекс — знак-символ — знак-индекс /икона. Прагматизация (ситуативность) и вторичная иконичность лежат в основе *интеръективизации* — превращения дескриптивных слов и конвенциональных форм в междометия: *Черт!*, *Блин!* и т.д. Такие употребления, пройдя через узус, также конвенциализируются и становятся достоянием языка, его междометного и фразеологического фонда. Например, *Voions!* не призывает собеседника

«рассмотреть» предмет спора или несогласия (*Voyons!* приблизительно соответствует русскому «Вы посмотрите!»), а маркирует отношение говорящего к ситуации речевого взаимодействия (удивление-возмущение — «Ты посмотри!»). Такая делокутивная деривация (закрепившееся в языке употребление в речи) лежит в основе образования большинства производных междометий: *Tiens!*; *Allons!*; *Allez!*; *Dis donc!*; *Soit!*; *Pensez-vous!*; *Vas-y!*; *Tu penses!*; *Tu parles!*; *Bis!*; *Fichtre!*, etc. [4].

Связь интеръективов с ситуацией речевого взаимодействия, их прагматическая природа отражаются в классификациях, определяющих типологию междометий, через связь с участниками коммуникативного акта. 1, 2 и 3-е лица речи образуют иерархию, включающую два типа оппозиций: по признаку «лицо/не-лицо», где 1 и 2-е лицо противопоставляются 3-му (участники / предмет коммуникации); по признаку «эмотивность/экспрессивность» противопоставляются 1 и 2-е лицо (адресант/адресат) (5, с. 269; 6, с. 306). Такая реляционная типология междометий может быть представлена следующим образом (табл. 2) (ср.: [4]).

Т а б л и ц а 2

Интеръективы		
Лицо		Не-лицо
1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Эмотивы	Конативы	Репрезентативы
Экспрессивы		

С внешним стимулом соотносятся интеръективы, отображающие явления внешнего мира, живой и неживой природы. Это традиционный разряд звукоподражаний — имитативные, репрезентативные, или выразительные междометия. При этом репрезентативы не лишены субъективности и часто далеки от конвенциональности: «Ah! l'eau! la bonne eau! Les premières gouttes qui glissent en serpents minces — zzz...» (*Damourette et Pichon*) — в речевом взаимодействии репрезентативы в большой степени берут на себя экспрессивную функцию, т.е. функцию воздействия на собеседника.

С адресатом Р. Якобсон, как известно, связывал конативную (воздействующую) функцию языка. Можно выделить различное количество подгрупп побудительных (конативных) междометий, но наиболее очевидным является наличие трех основных разрядов:

контактоустанавливающие: «Je me baissais pour le ramasser, lorsqu'une voix farouche cria derrière moi: «Hé! l'ami!» (*Pagnol*); «Il se mit à crier de toute sa force: — Holà! hé! holà! là — bas!» (*Maupassant*);

собственно побудительные: «Chut! chut! fit Emma en désignant du doigt l'apothicaire» (*Flaubert*); «Halte! Le passage est interdit»;

аргументативно-оценочные: «—...Tu n'aurais pas un peu tété la bouteille? — Idiot! répondit mon frère, tu sais bien qu'elle est toujours sous clef» (*Bazin*).

Приоритет функционального подхода проявляется в словарях современного французского языка, где с пометой «interjection» фигурируют междометные фразеологизмы и аббревиатуры: *Ma parole!*, *Ras-le-bol!*, *M.A.V.!* (*Mort aux vaches!*) и др. (7, р. 1362—1363). Функциональный класс интеръективов пополняется за счет полнозначной аффективной и коннотативной лексики, употребляющейся в функции фразеорефлексов и, в частности, инвектив: односоставные (одночленные) *ME — Bordel!*, *Peste!* *Paix!*, *Diab!* *Finish!* *Patience!* и многочленные — *Nom d'un chien!*, *Bordel de Dieu!* *Oh la vache!* и т.д.

Эпидигматическая (деривационная) парадигма производных междометий может быть представлена в виде оси междометизации (ядро) — фразеологизации (периферия), демонстрирующей, как на основе узальной стереотипизации и делокутивной деривации происходит формирование и расширение функционального класса интеръективов, как это представлено в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Междометизация	Свободные словосочетания	Фразеологизация
Non, mais dites-donc!	Dites-moi la vérité!	A qui le dites-vous! (je le sais trop bien!)
Pleure pas, voyons!	Voyons le problème (ce qui ne va pas!)	Voyons voir!
Tiens, c'est Michel? (=Je suis très étonné)	Tiens/Tenez (=Regarde/Regardez)	Tenez-vous bien!
Adieu!	A Dieu!	A-Dieu-vat! etc.

Прагматическая конверсия знака, превращение его в интеръективную форму варьируются в каждом конкретном случае и различаются речеповеденческими особенностями языка и культуры.

Так, в русском языке формула приветствия «Здравствуйте!» (определенный контекст + интонация = «здра-а-вствуйте!») приобрела, в отличие от французского *Bonjour!*, новое узально-конвенциональное значение маркера удивленно-несогласия с собеседником, констатирующего неуместность, ложность тезиса/аргумента/вывода собеседника, причем, только в этой функции «Здрааавствуйте!», по мнению некоторых исследователей, можно отнести к междометиям, так как в этом употреблении оно более очевидно выражает эмотивную сферу говорящего. Во

французском языке имеют место аналогичные идиосинкратические явления. Идеоэтнической, свойственной только французскому узусу, междометизации подверглись словосочетание «par exemple» («например»), частица «ça» («это»), наречие «encore» («еще») и др. Как отмечает Ю. А. Рылов, «семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением, пожалуй, некоторых терминологических образований), а имеют лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе» [8, с. 10].

Физиологичность, произвольность интеръективов, вариативность их фонической реализации в речи подвигла многих исследователей к исключению междометия из системы языка с определением их как частиц речи [9, с. 114]. С другой стороны, конвенциональность (закрепленность за определенной фонетической формой, характерной для того или иного национального языка) и стереотипность (воспроизведение конвенциональной формы, т.е. языковой единицы) и, наконец, универсальность данных элементов для всех языков не позволяют исключать междометия из лексико-грамматической системы и лишать их статуса «части речи».

Тесная связь интеръективов с моментом производства высказывания в контексте интеракционной ситуации приводит к необходимости учитывать в полевой структуре функционально-семантического класса параметры, определяющие акт порождения высказывания.

Принадлежность к лексико-грамматической категории модальности определяет процесс грамматикализации междометий и, в конечном итоге, их частеречный статус. Указывая на смешанный лексико-грамматический характер семантической категории модальности в языках разных систем, В. В. Виноградов отмечал, что в языках европейской системы она охватывает всю ткань речи [10, с. 57]. Как отмечает А. В. Бондарко, «фактически на материале модальности В. В. Виноградовым выявлены многие признаки тех языковых единств, которые позднее стали рассматриваться рядом исследователей как функционально-семантические (грамматико-лексические) поля» [11, с. 89].

Средства выражения модальности можно расположить по шкале, полюса которой следует обозначить как «максимально лексикализованные», с одной стороны, и «максимально грамматикализованные» средства выражения — с другой. К первому полюсу тяготеют модальные глаголы, оценочная и аффективная лексика и т.д., ко вто-

рому — наклонения, глагольные времена и пр. Междометные формы занимают срединное положение с тенденцией к грамматикализации.

Грамматический статус интеръективов определяется тем, что в семантической структуре высказывания междометия относятся к модусным компонентам, выражающим субъективное отношение говорящего к некоторому отрезку, фрагменту объективной реальности, отраженному в сознании в виде некоего идеального образа — пропозиции.

Будучи элементами модуса, интеръективы коррелируют с предикатами пропозициональной установки, но отличаются от последних синкретизмом (имплицитность, диффузия) и отсутствием дескриптивного значения.

В модусных интеръективах наглядно проявляется семантическое свертывание модуса [12], характерное для спонтанного порождения высказывания в речи (экономия средств выражения).

Выход за рамки предложения-высказывания и помещение междометий в рамки речевого взаимодействия во многом определил адекватность выявления функциональной и системной значимости междометий.

В динамическом аспекте речевого взаимодействия междометия представляют собой «речевые рефлексы» — вербальную реакцию говорящего на различные параметры ситуации общения.

В когнитивном аспекте интенциональность и выражающий ее модус становятся связующим звеном между реальной действительностью и субъектом (его мыслью, эмоциями), между субъектом и его высказыванием, между сообщением и его адресатом. В этом случае элементы эксплицитного модуса, в частности интеръективы, становятся средством актуализации пропозиционального содержания, выполняя функцию «шифтеров», актуализаторов, маркеров, проявляющих отношение субъекта высказывания к различным параметрам коммуникативной ситуации.

При воздействии интеръективов — модусных операторов — пропозиции, имеющие событийное значение, приобретают фактообразующее значение, принадлежащее области эпистемологии (знаний, мнений, утверждений и других категорий ментального плана) [13, с. 103—106]: *Il y a des usines dans cette partie de la ville — Mon Dieu! Il y a des usines dans cette partie de la ville!*; *Il pleut — Zut! Il pleut*; *Il est ingénieur — Oh! Il est ingénieur!*; *C'est un ami — C'est un ami, quoi* и т.д.

Прототипически междометия, с одной стороны, выполняют функцию модального актуализатора пропозиционального содержания выска-

зывания, а с другой, в силу своей семантической (пропозициональной) избыточности, становятся синтактико-дискурсивным элементом связи, обеспечивающим когерентность дискурса. Таким образом, в отличие от других фоносемантических маргиналий [14], междометия, оправдывая свой частеречный статус, являются полноценной лексико-грамматической категорией (частью речи).

Актуализация эмоциональной оценки в мотивировочной части высказывания (модусе) имеет в речевом взаимодействии аргументативное значение, превращая интеръективы в аргументативные коннекторы, вводящие аргументативно значимое оценочное суждение-вывод или аргумент/контраргумент: «*Ah! les enfants sont gâtés aujourd'hui, si nous avons demandé des petits voyages comme ça à nos parents...*» (Sarrautte); «*Impossible de trouver une bonne dans la région: les petites paysannes ne veulent plus se placer, et si par hasard on en trouve une, elle est d'une insolence! Et d'une paresse! Exigeante avec ça... Oh! cette génération!*» (Bazin).

Интеръективы, семантически (деривационно) или прагматически (ситуативно и узуально) связанные с той или иной эмоцией, являются операторами, меняющими знак интенциональности высказывания (а также его иллокутивную силу). Например: «*J'ai oublié mes cigarettes*» — «*Zut! J'ai oublié mes cigarettes...*» (огорчение заядлого курильщика) — «*Houppii! J'ai oublié mes cigarettes!*» (радость человека, решившего бросить курить) — «*Tiens! J'ai oublié mes cigarettes.*» (удивление — амбивалентная эмоция) — «*Eh ben, j'ai oublié mes cigarettes!*» (что может выражать грустную — «*Décidément, c'est pas mon jour!*» — или оптимистическую констатацию «*Tant mieux!*», либо безразличие «*Tant pis!*»).

Оценка может касаться не только параметров «хорошо/плохо», но и уместности/неуместности высказывания, т.е. соответствия высказывания максимум релевантности, количества, качества и способа [15]. Так, нарушение максимы качества связано с ложной presupпозицией высказывания, что приводит к соответствующим реакциям и исправлениям со стороны собеседника: «— ...*Mais j'ai des principes. — Oyayaie!* dit Bouzigue. *Les principes, oyayaie!... Allons, voyons, monsieur Joseph! Quels principes?*» (M. Pagnol).

В иллокутивном плане высказывания интеръективы как сопровождают эксплицитные перформативные средства, указывающие на иллокутивную цель высказывания, так и употребляются самостоятельно в качестве иллокутивных маркеров, указывающих на иллокутивную функ-

цию высказывания или операторов, изменяющих ее. Ср.: — *Le docteur est au courant?* — запрос информации и «— *Ah! s'étonnait Cottard, le docteur est au courant?*» (A. Camus) — речевой акт удивления.

В речевом взаимодействии говорящий прибегает к стратегии «компенсации», исправляющей возможную отрицательную реакцию собеседника, защищающего собственную личностную территорию. В речи данная стратегия отмечена соответствующими миметическими маркерами. Например: «— *Mais c'est c'que j't'ai expliqué l'aut'jour, quoi!* — *Ben faut croire qu't étais pas trop clair, hein*». Междометия смягчают защитную («отрицательное лицо») реакцию собеседника, компенсируя агрессивную стратегию защиты, спасая «позитивное лицо» отвечающего и маркируя стратегию сотрудничества.

Интеръективы участвуют в оформлении дискурсивного плана речи, т.е. в организации речевого взаимодействия. Они выступают в роли зачинов, приступов к высказыванию, заполнителей пауз (*silence fillers*), маркеров передачи слова, инициирующих ответную реакцию собеседника, выхода из коммуникации и т.д., являясь, таким образом, элементами коммуникативно-дискурсивной рамки высказывания (анафоро-катафорические коннекторы).

Роль междометных речевых единиц в выполнении анафорической функции становится очевидной при рассмотрении аутентичного речевого взаимодействия. Например:

I. «A: *C't'à dire que... j'avais pensé qu'tu pourrais commencer à en parler, toi, tu vois...* B: *Ah non, ça non, ça j'peux pas...* A: *Mais toi i t'écoute...* B: *Ah non, ah non, pas question!*».

II. «A: *Tu peux pas t'pousser non?*

B: *Oh ça va, ça va!*

A: *Ben justement non, ça va pas!*» [16, p. 43].

Анализ приведенных фрагментов выявляет две ведущие функции междометий в речи — интеракциональную и интерактивную — и проявляет функциональную дистрибуцию междометий в парадигме регуляторов речевого взаимодействия.

Так, интеракциональная функция связана с проявлением интенциональностей собеседников и регулирует их согласование. Сообщение определенного пропозиционального содержания (в I — «*j'avais pensé qu'tu pourrais commencer à en parler*»; во II — «*Tu peux pas t'pousser*», etc.) сопровождается определенной интенциональностью, оформленной в виде того или иного речевого акта (в I — косвенный РА просьбы; во II — прямой РА упрека). Выражение интенциональности вызывает определен-

ную интенциональную реакцию (I — отказ: «Ah non, ça non, ça j'reux pas...»; II — мелиоративный протест «Oh ça va, ça va!»), и в каждом реактивном РА обнаруживается междометная речевая единица, маркирующая интенциональность собеседника: в I — оценку приемлемости (аргументативной релевантности) высказанной просьбы (ср. без междометия: «non, ça j'reux pas» — отказ без мотивировочной оценки, осуществляемой междометием Ah); во II — оценку стилистической релевантности (грубость) высказанного протеста).

Эмотивные, экспрессивные и репрезентативные интеръективы являются *маркерами*, отражающими в произведенном высказывании один из фундаментальных аспектов его порождения — субъективность, и *операторами*, обеспечивающими модальную вариативность речи.

В диалогических единствах интеръективы являются маркерами имплицитного компонента содержания и коннекторами, вводящими реплики, соотносящиеся с имплицитным содержанием и конвенциями общения: «— Tu offrais des livres à Mada...a maman? — Mais oui. Souvent... — Pourquoi tu ne me l'as jamais dit? — Oh! Ça ne se dit pas, voyons...» (Mallet-Joris).

Игнорирование пресуппозиций или несогласие с пресуппозицией высказывания является стимулом для ответной реплики-реакции: «Oh, si vous avez encore quelque chose d'humain, rappelez-vous...rappelez-vous ce qui c'est passé entre nous...le mal que vous m'avez fait... — Voyons, Blanchette, il s'est rien passé... ou si peu...» (Aragon).

Эмоциональная окрашенность реакции согласия / несогласия обращена также к пресуппозициям и импликациям, которые связаны с репликой-стимулом: «M'Va protestait. — Je fais un investissement, vous devriez être contents! Je paierai l'abonnement qui sera à mon nom.— Ah! non, il faut aussi le nom de la crêperie! dit Martin» (Mallet-Joris). Если реплики, выражающие согласие/ несогласие, соотносятся с имплицитным компонентом высказывания, междометия выступают в роли коннекторов, вводящих реплики, кореллирующие с пресуппозицией предыдущего высказывания: «Moi. — Dolorès, je prends un bain. Dolorès, — Oh! Ça ne me gêne pas» (Mallet-Joris).

Таким образом, в процессе речевого взаимодействия интеръективы выполняют три основные функции: — модально-семантическую, передающую отношение, оценку; — интеракциональную, выражающуюся в модификации иллокутивной, аргументативной и интерперсональной

значимости высказывания; — дискурсивную (интерактивную), заключающуюся в структурировании дискурса.

В момент порождения высказывания интеръективы реализуют следующие когнитивно-коммуникативные операции: 1) *актуализация* определенного мысленного содержания (пропозиции) через субъективность (аффективность) говорящего (выражение чувств, оценка и т.д.); 2) *иллокутивное согласование* высказываний в речевом взаимодействии; 3) *аргументативная ориентация* высказывания; 4) *интерперсональное оформление* высказывания (стратегия сотрудничества / конфронтации, личностная оценка и т.д.); 5) *дискурсивная организация* высказывания в соответствии с перечисленными аспектами речевого взаимодействия и связи с предыдущими и последующими высказываниями в рамках интеракционального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Karcevsky S. Introduction à l'étude de l'interjection / S. Karcevsky // Cahiers F. de Saussure. — Genève, 1941. — № 1. — P. 57—77.
2. Buridant C. L'interjection : jeux et enjeux / C. Buridant // Langages. — 2006. — № 163. — P. 3—9.
3. Кустова Е. Ю. Междометия как семиотические конверсивы / Е. Ю. Кустова // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. статей. — Ростов н/Д : Изд-во ДЮИ, 2007. — Вып. 10. — С. 227—230.
4. Кустова Е. Ю. Функционально-прагматическая характеристика междометных речевых единиц французского языка : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Кустова. — М., 1997. — 172 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М. : Прогресс, 1974. — 446 с.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. — М. : Добросвет, 2000. — 832 с.
7. Petit Robert : Dictionnaire de la langue française / Réd. A. Rey et J. Rey-Debove. — P. : Dictionnaires Le Robert, 1986. — XXX p. / 2173 p.
8. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира : итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов. — М. : Гнозис, 2006. — 304 с.
9. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. — М. : УРСС, 2001. — 408 с.
10. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике : избранные труды. — М. : Наука, 1975. — С. 53—87.
11. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале рус-

ского языка / А. В. Бондарко. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.

12. Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // Вопросы языкознания. — 1971. — № 1. — С. 54—64.

13. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 314 с.

14. Шляхова С. С. «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики / С. С. Шляхова. — Пермь: ПГТУ, 2005. — 348 с.

15. Grice H. P. Logique et conversation / H. P. Grice // Communications, 30. — P. : Seuil, 1979. — P. 57—72.

16. André-Larochebouvry D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvry. — P., 1984.

Пятигорский государственный лингвистический университет

Кустова Е. Ю., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры общего и сравнительного языкознания, доцент кафедры французского языка

lenakustov@yandex.ru

Pyatigorsk State Linguistic University

Kustova E. Y., Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of General and Comparative Linguistics, Associate Professor of the Department of French Language

lenakustov@yandex.ru